

ЧИТАЛКА «ШБ»

И. И. ТИХОМИРОВА, доцент
Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств

Методический словарь-справочник для библиотекарей «Психология детского чтения от А до Я»*

Уважаемые друзья! Продолжаем публикацию статей Словаря-справочника для библиотекарей "Психология детского чтения от А до Я". Справочник выйдет отдельным изданием в приложении "Профессиональная библиотечка школьного библиотекаря", серия 1 (см. с. 3 обложки).

ИДЕНТИФИКАЦИЯ, или узнавание в персонаже себя

Слово происходит от латинского *identificare*, означающего отождествлять, уподоблять. Как известно, писатель, создавая свое произведение, ставит себя на место героя и переживает его судьбу как свою. В подтверждение этого факта часто приводят слова французского писателя Флобера, который о героине своего романа «Госпожа Бовари» сказал: «Эмма — это я». Не менее определенно и другое его признание, сделанное по ходу создания этого романа: «Сегодня, например, я был одновременно мужчиной и женщиной, любовником и любовницей и катался верхом в лесу осенним днем среди пожелтевших листьев. Я был и лошадь и листьями, и ветром и словом, которые произносили влюбленные, и румяным солнцем, от которого жмурились их полные любви глаза». Подобное тому, что происходит с писателем в процессе работы над художественным произведением, бывает и с читателем. Так, читая комедию Бомарше «Свадьба Фигаро», юный Герцен говорил: «Я сам был Керубино». О феномене

идентификации как читательском качестве красноречиво высказался литератор Смирнов-Черкезов: «Гений писателя стократно приумножал мой жизненный опыт. Я был графом и безлошадным крестьянином, был влюбленной девушкой и старой бабушкой, был бродягой, картежным игроком, сумасшедшим, убийцей, был даже лошадь и собакой. Много раз рождался и умирал, жил в Древней Элладе и в гитлеровской Германии, побывал в

аду и в раю, сражался с Наполеоном и ветряными мельницами. Я испытал все искушения и страсти, поднимался на вершину человеческого духа и низко падал. **Каждый день я живу своей и чьей-то еще жизнью и низко кланяюсь писателю, когда эта чужая жизнь становится моей**». Читая о чужой жизни, читатель, как мы видим, способен перенести на себя черты героя и мысленно стать им. Это происходит потому, что, говоря о себе самом, говоря о персонажах, подлинный писатель говорит об общем — о человечестве. Его персонажи со сложными и многогранными характерами, развернутыми в конкретной среде, в то же время сгущены до образа, до типа, до символа. «И потому, — отмечал Белинский, — в его грусти всякий узнает свою грусть, в его душе всякий узнает свою, и видит в нем не

* Продолжение. Начало см. в №№ 5—10 за 2003 г.

только поэта, но и брата своего по человечеству». Говоря об эстетическом отношении искусства к действительности, эту же мысль другими словами высказал и Чернышевский: «Различия только потому кажутся важными, что лежат на поверхности и бросаются в глаза, а под видимым, кажущимся различием скрывается совершенное тождество».

Идентификация — важнейшая составная часть восприятия художественного произведения, благодаря которой чужая жизнь становится для читателя своей. Этот элемент восприятия требует погружения в глубины внутреннего мира персонажей, способности поставить себя на их место. От персонажа к читателю литература переносит опыт, строй мысли, поведение человека в тех или иных жизненных ситуациях. Читатель получает возможность в одной своей жизни пережить множество других жизней, попробовать себя в разных состояниях, в разных жизненных обстоятельствах, за счет чего и расширяется и обогащается его опыт.

Идентификация зависит как от произведения, от того, как ярко и умело в художественном образе писатель сумел выразить общезначимые свойства психологии и поведения персонажа, так и от способности читателя распознать в характере и в поведении персонажа близкие себе черты. Это дается не каждому. Когда-то в «Комсомольской правде» шла дискуссия по письму девятиклассницы из Тимертау, в котором она спрашивала: «Зачем мне нужен Раскольников, ведь я не собираюсь никого убивать?». Или вот недавний пример. Московские старшеклассники обсуждали рассказ В. Распутина «Изба» о жизни деревенской женщины — нашей современницы. Суждение одной из школьниц показательное: «Зачем нам, жителям мегаполиса, знать о жизни закомплексованной деревенской женщины, некрасивой, рано состарившейся, убого одетой?». На этот вопрос косвенно ответили ее одноклассники: «Впервые я задумался над тем, как уродливо мы живем», «Мне горько и больно оттого, что люди, подобные героине, бесправны», «Этой женщиной, отвергаемой жизнью, можем стать мы сами». В сказке «Преданный друг» в образе Водяной крысы О. Уальд дал пример человека, лишенного способности узнать себя в аллегории, хотя сходство лежало на поверхности. Цена превыше всего преданную дружбу, Крыса понимала ее как возможность нещадно эксплуатировать своего друга. По этому случаю коноплянка рассказала ей притчу о добром садовнике и толстом мельнике, который под предлогом дружбы свел садовника в могилу. Выслушав рассказ, водяная крыса была искренне удивлена: какое отношение рассказ коноплянки имеет к ней. «Во весь голос крикнула «фу», взмахнула хвостом и спряталась в нору». Образная история, рассказанная коноплянкой, не вызвала у

Крысы никакой ассоциации с ней самой, узнавания в чужом своего не произошло. Перед нами наглядный пример «тупосердия» человека, неспособного в зеркале литературы увидеть самого себя, «чужое вмиг почувствовать своим».

В идентификации, как можно заметить, есть две стороны — внешняя и внутренняя. Внешняя бросается в глаза. Это сходство обстоятельств, поведения, поступков. Внутренняя — невидимая. Она более существенна, ибо отражает духовный мир человека, его мысли и чувства, его характер, мотивы его поведения. Чем меньше ребенок, тем важнее для него внешняя сторона. Лишь по мере взросления человек начинает идентифицировать себя с героем, ориентируясь на его внутренний мир. Наглядный пример этой закономерности дал писатель Юрий Нагибин в рассказе «Нас было четверо». В нем говорится о дружбе четверых ребят, которые, прочитав роман Дюма «Три мушкетера», присвоили себе их имена. Они копировали их поведение, облик, выражались их словами, стараясь быть максимально внешне похожими на героев. Став взрослыми, пройдя войну, они вновь встретились. Как и раньше, они в шутку называли друг друга именами героев Дюма. Но теперь их соединяла не игра, не мушкетерские костюмы, не самодельные шпаги. Они сохранили верность друг другу, проявили храбрость, претворили на деле девиз «Один за всех и все за одного». Через всю жизнь они пронесли те черты бескорыстия, отваги, чести, которые были свойственны героям Дюма.

Влияет на характер идентификации опыт пережитого. Чем этот опыт богаче, тем больше соединяющих нитей читателя с персонажами и их автором, тем важнее для него внутренняя идентификация. Интересный пример идентификации с чувствами автора привел писатель А. Лиханов в повести «Никто». Главный герой, подросток, лишенный отца и матери, живущий в интернате, не знавший ласки и нежности, в скорбной интонации лирической песни увидел свою жизнь, свою судьбу, свое отчаяние.

«Я ту знаю страну, где уж солнце без силы,
Где уж савана ждет, холодея, земля,
И где в голых лесах воеет ветер унылый —
То родимый мой край, то отчизна моя».

«Ему надо было выговориться, — пишет Лиханов, — а своих слов он не знал, не находил, но его распирала эта странная боль — и вот она нашла выход в чужой, каким-то мудрым человеком написанной песне. Не песне — а тоске». Важно заметить, что герой повести — Николай Топоров — и раньше пел (в интернате их всех заставляли петь по вечерам). Но он никогда не отождествлял песен с самим собой. И только повзрослев и смутно осознав, что он Никто в этой жизни, в чужих строках, прямо не касающихся его собственной дра-

мы, а говорящих о родном крае, он смог воочию ощутить «ветер унылый» его собственной души.

Психологи увязывают способность к внутренней идентификации с периодом отрочества, когда идет бурный процесс саморазвития, когда создается гипотеза о себе самом, рождается душа, когда заметно раздвигаются границы внутренней жизни человека. Характерен в этой связи отзыв четырнадцатилетней девочки из Челябинска: «Книгу «Дикая собака Динго», — пишет она, — подарили мне в тот момент, когда я нуждалась в ней... Она дала мне понять, что я уже не маленькая, что я могу понимать больше, чем из детских книг. Она помогла мне переступить черту детства, я стала думать по-другому; и вообще, что-то изменилось внутри меня, я впервые почувствовала себя взрослой... Мне нужен был такой толчок, который перестроил бы мой внутренний мир, к которому я привыкла... Эта книга стала для меня как часть жизни, истории развития...». Психологи отмечают, что именно в отрочестве чаще всего возникает явление, называемое кризисом идентичности, т.е. утратой человеком представления о своем месте в непрестанно изменяющемся мире, о самооценности собственной личности. Кризис идентичности затрагивает внутренний мир, систему ценностей. Есть опасность возникновения у человека в этом возрасте негативной идентичности, тяготения к антигерою с проявлениями агрессии, насилия, или отчаяния, самообесценивания и даже крайнего проявления — самоубийства. Вот почему для подростка способность к читательской идентификации в процессе восприятия художественной литературы приобретает подчас судьбоносное значение. Такую возможность человеку предоставляет классическая литература, раскрывающая в индивидуальных образах то, что свойственно каждому, независимо, в известном смысле, от возраста, национальности, социальной принадлежности, обстоятельств жизни. Не случайно имена многих героев классической литературы становятся нарицательными, которыми потом пользуются для характеристики реальных людей.

От характера отождествления зависит часто и сила влияния художественных произведений. Чем связи прочнее, тем влияние значительнее, тяга к чтению полноценной литературы сильнее. Много зависит и от конкретных обстоятельств. В романе Джека Лондона «Мартин Иден» есть эпизод, показывающий, как внезапно вспыхнувшая любовь меняет отношение главного героя к художественному произведению, в частности, к любовной лирике. Если до встречи с любимой девушкой строчки: «Блаженный юноша, он одержим любовью и в поцелуе умереть готов» показались герою фальшивыми, то после встречи слова эти не выходили у него из головы. Он восхищался ими, как величайшим откровением. Он смотрел

на свою возлюбленную и думал, что с радостью умер бы в поцелуе. Чужая стихотворная строчка воспринялась человеком как написанная им самим. Много зависит и от воспитания. Мы убедились, что довольно глубокие ассоциации могут быть сформированы уже у дошкольников, если была поставлена такая задача. Интересен в этом отношении опыт воспитателя детского сада № 114 города Архангельска О.Ишениной, знакомящей детей с мифами Древней Греции. Раскрывая детям образы богов, воспитательница увязывает их с теми или иными поступками, развивает способность за внешним видеть внутреннее. Проникнув в суть образа конкретного бога ли героя, дети без труда находят сходство его с реальным человеком. Того, кто затевает драку, они сравнивают с кровожадным Аресом, а ту, что улаживает конфликты — с мудрой Афиной. В трудолюбивом человеке узнают Гефеста, а в самом сильном — Геракла. Индивидуализация характеров богов, на которую обратила внимание воспитательница, открыла детям путь к индивидуализации окружающих, к осознанию собственных черт.

Психологической основой идентификации является способность к перевоплощению, которая у младших школьников имеет форму «мысленного действия». Вот характерные фразы читателей: «Когда я в конце читал, как он держал стену, мне стало тяжело плечам, спине, ногам, как будто это я держал». «Я ходил больной весь день, если вдруг героям было тяжело, трудно». «Когда я читала, как пытаются Зою, мне казалось, что пытаются не Зою, а меня». Воспламенить, поддержать, не дать угаснуть этой ценнейшей способности детской души переселяться мысленно в персонаж и жить его жизнью — главная забота библиотекаря в работе с младшими школьниками. Вместе с тем уже в этот период возможна и активизация жизненных ассоциаций или пробуждение связей с ранее прочитанным. Например, беседа с ребенком о «Денискиных рассказах» В. Драгунского, можно спросить: кто ближе тебе: Дениска или Мишка? Если бы ты встретил в жизни того и другого, как бы их распознал? На кого из двоих больше похож твой друг? А ты сам?

Примеряя роль литературного героя, представляя себя в роли персонажа, читатель извлекает из собственного сознания новый мир неведомых доселе мыслей и чувств. Иначе говоря, открывая книгу, другого в ней человека, думающий читатель вместе с тем открывает и себя. На важность этого момента обратил внимание известный литературный критик и философ Ю.Карякин: «Пока ученик относится к литературе как к свидетельству того, что происходит с другими, а не с ним самим, пока в чужом не узнает свое... пока не обожжется этим открытием — до той поры нет и самовыделки, нет и потребности в ней». Добавим, нет и желания читать.

Однако отождествление с героем нельзя понимать буквально. Как бы близок герой читателю ни был, всегда найдутся черты, отличающие их друг от друга. Ведь литературный герой — это не абстракция, а живой человек со своей индивидуальной психологией, своим опытом, подверженный влиянию пространства и времени, в которых живет. Поэтому, говоря об идентификации, мы одновременно должны говорить и об обратном процессе, суть которого — нахождение различий между читателем и персонажем. Художественный пример подобного «сходства-различия» мы обнаружили в повести Н.Крыщука «Начало». Его юный герой, будущий филолог, размышляя об одном из персонажей классического произведения, приходит к выводу, касающемуся его самого: «Я такой же... Нет — я другой». Этот вывод говорит о сложности процесса становления самосознания читателя под влиянием художественного произведения, в котором смешиваются все «за» и «против». Взаимоисключение здесь диалектическое: человек находит сходство себя с литературным героем в одном отношении и различие — в другом. Способность человека почувствовать другого, отличного от себя, позволяет ему ощутить многогранность мира людей, уникальность каждого. И в то же время осознать и свою собственную индивидуальность, единственную и неповторимую.

Идентификация — это не только сближение читателя или другого реального человека с конкретным персонажем. Отождествление надо понимать шире. Читатель может идентифицировать себя с определенной культурой, с социальной группой, с определенным родом занятий, с возрастом. Не случайно подростки предпочитают читать о своих сегодняшних сверстниках, «о таких же, как мы сами». Важна для них и гендерная идентификация: девочки ищут идеал женской судьбы, мальчикам интересны герои с ярко выраженными мужскими чертами характера. Этот вопрос исследовала И.В.Андреева, преподаватель детской литературы Челябинского Государственного Института культуры. Она пришла к выводу, что современным мальчикам в отрочестве импонируют черты мужской идентичности «в рамках узкого коридора», не допускающего разрушения канонов маскулинности — это герои боевиков и фэнтези, обладающих атлетической внешностью, силой, хладнокровием и непобедимостью. Девочки в этом возрасте тяготеют к мелодраме. Вместе с тем, они оказались свободнее мальчиков в выборе объектов идентификации. Они способны идентифицировать себя и с персонажем мужского пола, и с животными, и со сказочными существами. Их больше интересуют герои, помогающие найти выход из трудных ситуаций, герои, обладающие определенной глубиной внутреннего мира.

Говоря об идентификации читателя с персонажем, важно отметить, что она не только позволя-

ет задуматься о себе сегодняшнем, но и выстроить будущее «я». Как известно, художественная литература, как и искусство в целом, формирует идеал человека и в этом плане становится пространством для развития личности, формирования лучших человеческих качеств. Данная сторона влияния книги особенно важна для детей, ибо открывает им перспективы роста. Полноценный художественный образ, согретый гуманным сердцем писателя, вызывает у ребенка стремление стать чище, добрее, сердечнее.

Еще об одном виде идентификации, свойственной чтению, надо сказать. Речь идет о способности читателя сближать между собой персонажей в рамках одного или разных произведений. Данная способность может проявиться у начитанных детей даже в младшем школьном возрасте. Подтверждает эту способность отзыв третьеклассника Миши Е. о героях А.Милна и Туве Янссон. Вот что он обнаружил, прочитав произведения этих авторов: «Винни-Пух и Мумми-Троль. Это почти одинаковые герои. Оба лишены чувства юмора. Но и другие качества тоже похожи. Трусишка Пятачок и Снифф, Иа-Иа и Ондатр (оба мировые скорбцы). И, наконец, Кенга и Мумми-Мама тоже похожи. Хемуль ни на кого не похож. Совсем спятил на букашках. А кролик очень скучный, смеяться не умеет». Этот отзыв мне подарила петербургский библиотекарь Людмила Сысоева, которая умело развивает у детей способность находить сходство среди персонажей — сначала по внешним проявлениям, а позже по внутренним, используя для этого момент рекомендации литературных произведений. Выявление контакта читателя с ранее прочитанной книгой подсказывает библиотекарю логику последующей рекомендации, особенно если он спрашивает «что-либо подобное».

Приведенные выше отдельные примеры показывают, что процесс идентификации, часто возникающий в сознании читателя произвольно, можно регулировать. Он достигается, прежде всего, созданием стимулов. Таким стимулом может стать целенаправленная книжная выставка, какая, например, была организована в Ленинградской областной детской библиотеке выпускницей СПбГУКИ Анной Ежовой. Цель выставки «Книга и ты» — привлечь внимание подростков к книгам о сверстниках, в которых они смогли бы узнать и открыть себя. Кроме этих книг, были представлены творческие работы участников конкурса «Книги детства» (отзывы о прочитанном, письма писателям, сочинения на тему «Этот писатель лучше всех пишет о таких, как я», «В этих книгах есть отражение моего детства» и др.) Приведем некоторые строчки сочинений: «Когда я читала эту книгу, мне казалось, что я читаю про себя» (Гамидова Я., 10 лет, о повести И.Ярвской «Не надо мне прощать»), «Ольга, героиня этого

произведения, в чем-то похожа на каждого из нас, в тринадцать лет или в тот момент, когда мы начинаем смотреть на мир другими глазами» (Трофимова М., 16 лет, о повести Е. Мурашовой «Полоса отчуждения»).

Примеров частных методик, направленных на овладение способом идентификации при чтении художественной литературы, можно было бы привести много. Очертим лишь круг задач, содействующих этой цели:

- раскрывать детям ценность идентификации как элемента творческого чтения, ведущего к самопознанию и саморазвитию;
- помогать включать читаемое в контекст жизни ребенка: в прошлом, настоящем и будущем;
- учить переносить черты персонажа целиком или частично на людей, знакомых ребенку по жизни, или на него самого, стимулировать при этом поиски не только сходства, но и отличия.

Вести детей от идентификации внешних черт человека к идентификации внутреннего мира, побуждать за видимостью искать сущность.

Решая эти задачи, мы, библиотекари, открываем книге путь к сердцу ребенка, превращаем чтение в жизненно значимую для него деятельность, питаем его ум и душу. Иначе говоря, содействуем его духовному развитию.

ЛИТЕРАТУРА:

Андреева И.В. Самопознание как феномен чтения старших подростков // Дети. Книга. Библиотека: поиски и обретения 90-х годов. Сб. статей. — Челябинск, 1999. — С.18-28.

Андреева И.В. Чтение как источник самопознания в период отрочества // Мир библиотек сегодня. — 1996. — Вып. 2. — С.45-54.

Бутенко И. А. Юный читатель и библиотека (чтение девочек и мальчиков) // Книга. Исследования и материалы: Сб. 67. — М.: Терра, 1994. — С.53-64.

Осорина М.В. Этапы развития личности ребенка и его чтение // Детское чтение: феномен и традиция в конце XX столетия. — СПб, 1999. — С.17-21.

Тихомирова И.И. «Ищу в чужой строке себя...» // Библиотека — 2003 — № 3. — С.36-38.

Эрикссон Э.Г. Идентичность: юность и кризис/ Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1996. — 340 с.

И.А. АНТИПОВА,
преподаватель кафедры детской литературы
Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств

Образ читающего ребенка в русской литературе XX века

*«Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлёте,
Неизменившие друзья
В потертом старом переплёте»*

М.И. ЦВЕТАЕВА

В русской литературе образ читающего ребенка, более того, глубоко захваченного чтением и трепетно чувствующего прочитанное, появился в XVIII веке. Из литературы 90-х годов XX столетия этот образ исчезает, он почти потерян.

«Куда же и почему исчез образ книги и читающего ребенка в современной детской литературе?»

«С возвращением в детскую литературу «нетехнологической», «неформульной» прозы вернется в мир литературного детства и книга, потому что до тех пор, пока существует «гутенбергова галактика», существует и нерасторжимая онтологическая связь между ребенком и книгой».

Взаимоотношения ребенка с книгой и с миром книжной культуры нередко становились самостоятельным предметом художественного изоб-

ражения. Образ читающего ребенка на страницах русской литературы появляется начиная с XVIII в., т. е. того самого периода, когда формировалась парадигма